

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Dělnické písně, I—II. Sestavili Vladimír Karbusický, Václav Pletka. Praha, 1958, 911 стр.

В 1958 г. в Праге вышел двухтомный сборник «*Dělnické písně*», представляющий первое капитальное собрание чешских рабочих песен. Выпуск в свет этого труда тесно связан с теми исследованиями по изучению культуры и быта рабочих, которые с 1953 г. широко развернулись в Чехословакии. Особенно важное значение имело систематическое изучение старейших рабочих центров — Кладно, Росице-Ослованы, горняцкого поселка Жакаровце. Принятый в экспедициях метод параллельных фольклорно-этнографических изучений дал не только новый фактический материал; углубилась методика исследования, фольклор изучался не изолированно, а в тесной связи с историей, бытом данного района, развитием рабочего движения. Большое внимание уделялось среде, в которой жила и бытовала рабочая песня. Все это способствовало выявлению ее общественного значения. Накопление нового живого материала обусловило возможность широких обобщений, постановки проблем общетеоретического порядка, связанных с формированием и развитием рабочей песни, ее идейной и художественной спецификой.

С этой точки зрения рецензируемый сборник, сделанный на основе большого тщательно изученного материала, представляет большой интерес. Его составители — чешские фольклористы В. Карбусицкий и В. Плетка — провели большую организационную работу. Ими было обнародовано по радио и в печати обращение к старым рабочим с просьбой о присылке песенников. Таким образом было получено 113 печатных песенников, изданных с 1877 по 1946 г. (до этого в библиотеках удалось обнаружить только 20 песенников). Составители исследовали полицейские архивы, в материалах которых (особенно относящихся к антисоциалистическим процессам 1880-х годов) был обнаружен ряд печатных и рукописных песенников. Была просмотрена рабочая печать (около 300 тыс. страниц), листовки, агитационные брошюры, мемуары, сборники материалов и, наконец, публикации, вышедшие после 1945 г. Всего было отобрано пять тысяч песен; среди них — три тысячи рабочих песен. Авторы собирали сведения о рабочих песнях и во время полевых фольклорных обследований, в частности в районе Кладно. Весь этот материал лег в основу рецензируемого сборника, который включает 650 номеров песен (а вместе с вариантами — около тысячи текстов), сопровождаемых нотными записями.

1

Чрезвычайно важно уяснить принципы, которыми руководствовались составители при отборе материала, весьма специфичного по условиям своего возникновения и художественной природе.

Как отмечают составители, для формирования и развития рабочей песни в Чехии характерно широкое проникновение в рабочую среду уже в 1870—1880-е годы так называемой «книжной поэзии», — песенного творчества революционеров-профессионалов. Это не исключает, конечно, существования собственно фольклорной рабочей песни, но по сравнению, например, с аналогичной песней в России, она играла здесь значительно меньшую роль. Вот почему составители решительно высказываются против определения материалов сборника термином «рабочий фольклор», так как под это понятие по ряду существенных для фольклора признаков (анонимность, устность возникновения и бытования, изменимость текста) не подходит большая часть опубликованных материалов. Они выдвигают до известной степени условное, но более широкое понятие «рабочая песня», которое включает в себя как собственно фольклорные рабочие песни, так и произведения, созданные целой армией профессиональных и непрофессиональных поэтов.

Однако, пойдя по верному, в основном, пути, авторы неправомерно расширили понятие «рабочая песня», включив в сборник ряд произведений, не получивших широкого бытования, не воспринятых рабочей средой, не вышедших в большинстве случаев за пределы тех сборников, в которых они были опубликованы. Такой подход таит в себе серьезную опасность растворить рабочую песню в потоке индивидуального, не освоенного коллективом творчества, что затрудняет понимание идейно-художественных особенностей рабочей песни и ее общественной роли¹.

В значительной мере такой подход связан, как нам кажется, со слишком узким пониманием историзма рабочей песни, со стремлением видеть в ней хронику чуть ли не всех политических событий, что во многом определило и состав публикуемых материалов и само построение книги. Однако поэтическое творчество нельзя понимать

¹ Не случайно, подытоживая свое исследование, авторы в числе вопросов, оставшихся для них не вполне уясненными, указывают на взаимоотношение рабочей песни и традиционного фольклора, с одной стороны, и рабочей песни и песни литературной, — с другой.

только как регистрацию исторических фактов. Этим, по существу, снимается один из кардинальных вопросов, связанных с сущностью поэтического творчества, — процесс отбора в нем явлений исторической действительности и их осмысления. В поэтическом творчестве рабочих прежде всего находит свое выражение та общая идейная направленность, которая характерна для мыслей, чувств, сознания рабочего класса на отдельных этапах его борьбы. «Злободневность», «приуроченность» рабочей песни к тем или иным событиям, в которой авторы усматривают одну из ее характернейших особенностей, не является в одинаковой мере типичной для всех видов рабочей песни. Характерная для куплетов, она не обязательно присутствует, например, в патетически-агитационных (кстати, наиболее долговечных) рабочих песнях, глубокий историзм которых заключается именно в раскрытии основных целей рабочего движения, его пафоса.

Однако, указывая на неправомерное расширение понятия «рабочая песня», мы отнюдь не снижаем большой научной заслуги составителей, проделавших огромную работу, введших в научный оборот в ряде случаев совершенно новый материал.

Внимания заслуживают комментарии и обобщающая статья составителей сборника. На характеристике их содержания мы остановимся несколько позже, сейчас же укажем, что основные положения авторов, касающиеся исторической и литературной интерпретации материала, изложены нами попутно с обзором помещенных в сборнике песен.

2

Песенный материал расположен в сборнике в соответствии с историческими этапами рабочего движения в Чехии. Предложенная авторами периодизация не вызывает возражений: первый период — 1870—1880 гг., второй период — 1890—1921 гг., третий — 1921—1945 гг., четвертый — после 1945 г.²

Несколько особое место занимают в сборнике материалы первого раздела, должествующего, по мысли авторов, воссоздать ту «почву», на которой развивалась собственно рабочая песня. Это песни широких демократических кругов XIX — начала XX в. — песни большого социального звучания.

Из числа наиболее интересных следует отметить песни крестьян-батраков. Опираясь на традиции народного песенного творчества, их авторы и исполнители внесли в свои песни ноты сатиры и протеста. Такова, например, песня «Хлеба нам не покажешь» (№ 1), разоблачающая сельского эксплуататора-кулака.

Таковы же песни ткачей, положение которых было так ярко отражено в литературе, — например, песня «Жалоба ткача» (№ 8 В), рассказывающая о кабале, в которую попадает ткач после того, как он задолжал своему хозяину³.

Несколько интересными песнями представлено творчество сезонных рабочих — строителей первых железных дорог (эти рабочие получили даже свое особое название «trhaní» — оборванцы, голоштанники; их изображает в одноименной повести известный чешский поэт Ян Неруда). Это еще во многом полупролетариат и именно у них, выходящих из крестьянских семей, во многом понятна и та самоирония, на которой строится, например, полная юмора и горечи песня «Айзмпонская форма»⁴ (№ 27).

Ajznpónská uniforma všem lidem známá, aj, všem lidem známá.
Kalhoty sou roztrhaný, košile žádná, aj, košile žádná.
O kabátě darmo mluvit, ten je moc dobrý,
do toho by nezavázal za krejcar soli.

(Айзмпонскую форму все хорошо знают; штаны разодраны, а рубашки и вовсе нет. О пиджаке не стоит и говорить, он так хорош, что в него не завяжешь и щепотку соли).

Особое место в вводном разделе занимают песни шахтеров. В силу их особого положения, вызванного более ранним процессом концентрации горной промышленности, в шахтерской среде возникают песни, в которых уже звучат ноты рабочей солидарности. Однако, как указывают составители, на первом этапе рабочего движения, вплоть до 1880-х годов, руководители и хозяева горных разработок стремились увести это коллективное сознание в русло цеховой замкнутости, старались отгородить шахтеров от других рабочих, внушить им сознание своей избранности (именно поэтому поддер-

² Такая периодизация нам представляется более верной, чем та, которая дана в статье О. Сироватки о результатах исследования рабочего фольклора в Чехословакии «Forschungsergebnisse und Erfahrungen auf dem Gebiete der Arbeiterfolklore in der Tschechoslovakej» («Acta ethnografica», V, fasc. 3—4, Budapest, 1956). В указанной статье не выделяются как отдельные первый и второй периоды, хотя песни 1890-х годов и начала XX в. существенно отличаются от песен 1870—1880-х годов.

³ Хотя нет точных сведений о времени сложения данной песни, но и сама тема, и ряд мотивов (раздача работы ткачам на дом) говорят о том, что она возникла до зарождения организованного рабочего движения.

⁴ «Айзмпонская» — от жаргонного слова «ajznpón» (немецкое Eisenbahn — железная дорога).

живался культ традиционных праздников, обрядов, обычаев, сохранялась специальная одежда и пр.). Это нашло свое отражение и в поэтическом творчестве. К сожалению, этот слой ранних шахтерских песен не представлен в сборнике. Составители ввели в вводный раздел более поздние песни (80—90-х годов), хотя вряд ли была необходимость выделять их из общего состава рабочей песни, так как это уже не предыстория, а сама история рабочей песни. Такова, например, песня «Шахтеры, шахтеры» (№ 22) о кровопролитии в г. Остраве в 1889 г., когда была расстреляна мирная демонстрация шахтеров.

Horníci, horníci, co jste udělali,
že do vás četníci, že do vás četníci
tolik salve dali.
Nic jsme nedělali, chleba jsme žadali,
oni místo chleba, oni místo chleba
olovo nam dali.

(Шахтеры, шахтеры, что вы сделали, за что в вас жандармы из ружей стреляли? — Ничего мы не сделали, мы лишь хлеба просили, а они нам вместо хлеба олово дали.)

В разделе помещено также несколько ярмарочных⁵ песен, затрагивающих рабочую тему. Не будучи собственно рабочей песней по происхождению, создаваясь профессиональными певцами, ярмарочная песня во многом меняет свой характер в зависимости от того, для кого она предназначалась. Многие из песен, которые были созданы в расчете на рабочую аудиторию, действительно входили в репертуар рабочих. Именно такова судьба шуточной песенки «Около месяца» (№ 35), в которой поется о веселых ребятах-рабочих: они скорее протрут последние штаны и износят последнюю пару ботинок, чем пропустят вечеринку, на которой будут «раскручивать своих девушек» (т. е. танцевать).

Однако составители включили в данный раздел также ряд песен, не имеющих прямого отношения к рабочей среде и лишь отчасти созвучных рабочим песням по своим настроениям (см., например, песни № 14, 45). Эта нечеткость в отборе материала (тем более что авторы не выдерживают и хронологических рамок) не дает возможности серьезно поставить проблему предыстории собственно рабочей песни и затемняет историческую перспективу ее развития.

Во вторую часть вводного раздела авторы включили ряд песен национального возрождения. Как указывают составители, песня национального возрождения — один из важнейших источников рабочей песни и оказала на нее сильное влияние. Особенно большой интерес представляют песни, которые были созданы в период наибольшего общественного и политического подъема (с 1830 по 1848 гг.).

Несколько лучших песен этой эпохи принадлежит видному чешскому драматургу и общественному деятелю Йосифу Казтану Тылу (1808—1856). Прогрессивный литератор и публицист, принимавший участие в революционном Пражском восстании 1848 г., он создал пьесы, которые послужили основой чешской национальной драматургии. Имя Тыла также связано с созданием чешского национального гимна; им стала песня «Где дом мой» из народной комедии «Фидловачка» («Праздник сапожников»).

Авторы приводят в сборнике две чрезвычайно популярные песни из пьесы Тыла «Волянич из Стракониц»: «Лоск и дым» (№ 56) и знаменитую песню «Деньги правят белым светом» (№ 57):

Деньги правят белым светом.
Для дуката нет преград.

В сборнике приводится и ставшая популярной парафраза песни «Где дом мой» (№ 72), созданная другим видным общественным и политическим деятелем, замечательным поэтом-сатириком Карлом Гавличеком Боровским.

Песни эти продолжали жить в сознании последующих поколений, в частности и в среде рабочих. То же самое можно сказать о гуситской традиции, возродившейся впоследствии в рабочей песне (например, «Гуситская песня», № 64), о «Марсельезе», переведенной Цюнгелом (№ 86) и оказавшей влияние на тексты рабочих марсельез и т. п.

⁵ Ярмарочные песни — своеобразный жанр, возникший в Чехии в начале XVII в. Печатные тексты продавались на ярмарках и бродячими торговцами, в ряде случаев являвшимися и их авторами. Как правило, в песнях сообщалось о каких-либо чрезвычайных происшествиях, кровопролитиях, войнах, открытиях и т. п. В какой-то мере эти песни заменяли газетную хронику. В аналогичной немецкой ярмарочной песне преобладает именно этот познавательный интерес. Чешская же ярмарочная песня постепенно утрачивает информационный характер и развивается уже как песня, предназначенная для живого исполнения; в ней начинают преобладать лирические и патриотические мотивы. Ярмарочная песня имела ряд стилистических формул и шаблонов. Не имея самостоятельной мелодии, она большей частью исполнялась на мелодии наиболее популярных песен (см. Б. Вацлавек и Р. Сметана, «Ceské písnělkarmářské», Praha, 1949).

Выделение составителями песен национального возрождения в самостоятельную группу нам представляется оправданным, ибо оно дает возможность более глубоко проследить отмеченные выше связи и расширяет наше общее представление, — чего не смог бы дать в полной мере комментарий. К сожалению, составителям не всегда удастся отобрать наиболее типичные песни (см., например, №№ 74, 78, 81, и др.), что затрудняет понимание того, какие именно песни этой эпохи и в силу каких причин пользовались наибольшей популярностью в рабочей среде и оказали влияние на развитие рабочей поэзии.

3

Во второй раздел сборника вошли песни, созданные в 1870-е и в 1880-е годы. Этот период авторы считают начальным в истории развития собственно рабочей песни. В 1878 г. была создана чешская социал-демократическая партия. Именно в эти годы формируются и те особенности, которые в будущем определят характер рабочей песни. Песня становится выразительницей социалистического сознания. В дальнейшем развитии чешской рабочей песни именно эта песня приобретает все большее значение.

Авторы большинства текстов, приведенных в рассматриваемом разделе, — это «рабочие поэты»; под этим названием в историю чешского рабочего движения и в историю чешской литературы вошла группа поэтов-революционеров, создававших свои произведения в 70-е — 80-е годы (Пецка, Кохман, Зоула, Главачек)⁶.

Именно в этих песнях, созданных рабочими поэтами, отчетливо заметна связь с песней национального возрождения (особенно с революционной песней 1848 г.). Большое влияние на творчество рабочих поэтов, как и на развитие рабочей песни в целом, оказала немецкая рабочая песня. Это и не удивительно, так как чешское рабочее движение испытывало влияние более развитого немецкого социалистического движения. Это проявилось в том, что переводились наиболее популярные немецкие рабочие песни, например «Рабочая песня» на слова Гервега (см. № 97). В некоторых случаях использовались мелодии немецких песен (№ 141 С. 109).

Знаменателен тот факт, что текст чешского рабочего гимна — знаменитой «Песни труда» («Píseň práce») был переведен с немецкого (песня «Die Arbeit Hoch!») рабочим поэтом Ф. Главачеком.

Таким образом, несмотря на стремление буржуазии вызвать национальные разногласия и использовать их для ослабления рабочего движения, именно в рабочей песне отражается дух пролетарского интернационализма.

Одна из лучших песен этого периода — «Почему я социалист?». Эта песня, литературным источником которой был текст, написанный Лео Кохманом, надолго вошла в песенный репертуар рабочих. Песня построена как ответ на вопрос, который содержался в ее названии; в ней раскрыты все несчастья и беды, которые угнетали рабочих и одновременно способствовали росту их политического сознания. Хотелось бы, однако, сделать замечание в адрес составителей. В сборнике приводится шесть вариантов песни; на основании их можно заключить, что пелось не более семи строф из тридцати двух, принадлежащих перу Л. Кохмана. Поэтому нам кажется, что было бы целесообразнее поместить в сборнике именно эти живые, действительно бытовавшие варианты, а полный текст стихотворения Кохмана — лишь в комментарии к ним.

Это же относится к упомянутой выше «Песне труда» (№ 154). Из первоначальных 11 строф поются только две, и не было необходимости как основной текст приводить стихотворение целиком.

Такой принцип публикации последовательно выдержан в сборнике. Нам представляется более верным и во всяком случае вносящим большую ясность в понимание фольклорно-литературного процесса, когда как основной текст приводится живая песня, а ее литературный источник — в комментарии⁷.

⁶ И. Б. Пецка (1849—1897) — один из основоположников чешской социал-демократии и создателей рабочей журналистики, первый выдающийся поэт чешского рабочего класса; преследовался правительством и в 1886 г. эмигрировал в США, где издал первый «Песенник чешских рабочих песен»; Л. Кохман (1845—1919) — один из наиболее известных рабочих поэтов, сотрудник рабочей печати, тоже эмигрировал; Н. Зоула (1854—1886), автор знаменитой песни «Тюремная», — видный деятель социал-демократии, Р. Л. Главачек (1853—1937) — один из деятелей социал-демократии, редактор ряда газет и журналов, отбывал тюремное заключение, затем эмигрировал (см. J. Petrmichl, Poslední bitva vzpálá, Praha, 1952).

⁷ Непонятно, почему, публикуя «Песню труда» в известном переводе Главачека, составители дают и другие ее литературные переводы, хотя тексты эти никогда не пелись. Непонятно и то, почему составители включили как вариант «Песни труда» ее литературный парафраз, написанный поэтом В. Незвалом в 1923 г. Вот что сообщают они сами в комментариях к этому «варианту»: «Этот парафраз „Песни труда“ не пелся. Все же он является интересным, но мало известным документом, освещающим поэтическое творчество Незвала» (стр. 213).

И в отношении этого раздела мы вынуждены сделать вновь тот же упрек составителям в недостаточно критическом отборе текстов. Рабочими поэтами, наряду с замечательными песнями, были созданы слабые произведения. Поэзия рабочих поэтов часто страдала излишней риторичностью, абстрактностью образов. Многие тексты отличались чрезмерными длиннотами. К сожалению, ряд таких текстов, без всякого указания на то, что они были распространены в рабочей среде, все же включен в сборник (например, № 102, 103, 105 и др.).

4

В третьем разделе сборника опубликованы песни, созданные с 1890-х годов по 1921 г., т. е. в годы массового рабочего движения. Социал-демократическая партия охватывает все более широкие круги рабочих. Все это, как справедливо отмечают составители сборника, не могло не отразиться на развитии рабочей песни. Если в предыдущий период песни исполнялись большей частью на тайных собраниях, если пение их преследовалось и репрессии угрожали не только авторам, но и певшим, то в этот период рабочая песня звучит на митингах, на демонстрациях, на рабочих сходках и маевках.

Среди авторов вновь создаваемых текстов мы находим все новые имена, теперь их уже не единицы, а десятки (из наиболее популярных составители называют Крапку, Либерте, Цайтгамла). Значительно расширяется и жанровое разнообразие песен. Это и призывно-агитационная песня («Песня пролетариев», № 222; «Рабочая песня», № 224 и др.), и остроумные злободневные куплеты, созданные часто не профессионалом, а просто рабочим («Кое-кто из рабочих корчит из себя господина», № 197), это и песня, создаваемая специально для хорового исполнения (№№ 250, 251, 252 и др.).

Составители отмечают, что для 1890-х годов характерно увеличение числа исполнителей рабочей песни, а отсюда и более заметная фольклоризация рабочей песни, которая почти отсутствовала в 70-е и 80-е годы.

Ярким примером может служить «Песнь пролетариев» Брабца, которая приводится в сборнике в тринадцати записях (№ 222). То же можно сказать о «Рабочей песне» (№ 224), которая также претерпела многочисленные изменения. В какой-то мере это относится и к песне «Клерикальная девушка» (№ 295), в которой ряд традиционных мотивов используется для изображения девушки, которой набожность мешает быть вместе с любимым ею человеком (социалистом по убеждениям). Как отмечают составители, песни эти близки широким кругам рабочих не только по своей тематике и идейному строю, но и по использованию традиций устного народного творчества. Именно этот факт свидетельствует о том, что традиционный фольклор продолжал бытовать среди рабочих и тогда, когда уже оформилась рабочая песня, во многом формируя художественные вкусы рабочих. К сожалению, рабочая песня фольклорного типа представлена в сборнике далеко недостаточно. Интересный ее образец приведен под № 197.

Některý dělník dělá pána,
jako by byl syn barona,
jako by měl v Praze dům
jeho jmění v ruce hůl.

Za hrníček ztuchlé rýže
poniženě důtky líže
a pak se vyvyšuje,
jiným práci ztěžuje!

(Кое-кто из рабочих корчит из себя господина, как будто он сын барона, как будто у него свой дом в Праге (а в действительности, что у него есть? За тухлую похлебку он униженно лижет плетку, а потом еще чем-то гордится и другим мешает работать).

Как вспоминает исполнительница, второй куплет песни возник непосредственно во время демонстрации в ответ на выступления «желтых» (оппортунистических) социалистов. Впоследствии этот куплет широко бытовал среди рабочих.

Судя по последним публикациям рабочего фольклора⁸, можно думать, что этот слой песен мог бы быть в сборнике значительно пополнен. Как уже отмечалось, целесообразнее было бы и песни типа «Шахтеры, шахтеры» включить именно в этот раздел.

Среди песен, созданных в этот период, большое место занимают песни, посвященные Первому мая, которыми авторы начинают данный раздел. Многие из них пелись на мотив известной народной песни «Придет весна, придет», что было вызвано, по-видимому, тем аллегорическим смыслом, который заключался в самом названии. Такова песня Либерте «Первое мая» (№ 192).

Большой популярностью среди рабочих пользовались хоровая песня-марш «Вставай, рабочая молодежь» (№ 252) и особенно песня, переведенная с польского языка, —

⁸ Сб. «Kladensko», Praha, 1959, стр. 343—388.

«Красное знамя» («Слезам залит мир безбрежный», № 337). Судьба этой песни в Чехии раскрывается в приведенных составителями интересных воспоминаниях революционера Шкабы (стр. 431).

В этот же период создается чешская рабочая «Марсельеза» (№ 320); рабочие поэты Мацек и Скалак переводят пролетарский гимн «Интернационал» (№ 249).

Однако к концу XIX — началу XX в. социалистическая песня, создававшаяся революционерами-профессионалами, переживает кризис. Социал-демократия Чехии — типичная партия II Интернационала — все более и более скатывалась к оппортунизму. Как отмечают составители, в «официальных» социал-демократических песнях все более выхолащивается их революционное содержание: образ «красного знамени» заменяется просто знаменем-хоругвью, цели рабочего движения формулируются очень неопределенно — рабочие «стремятся вперед» и т. д. (стр. 809). В сборнике приведено несколько образцов таких песен. Они не пользовались популярностью; рабочие предпочитали петь старые песни. В революционном движении усиливались настроения протеста против политического руководства. Оппортунизм социал-демократии толкнул многих рабочих в ряды анархистов. Анархистские настроения проникли и в рабочую песню. Авторы называют имена двух крупных чешских поэтов — Станислава Костки Неймана и Франи Шрамека. Оба поэта прошли через увлечение анархизмом. Ими были созданы тексты песен, которые получили широкое бытование среди рабочих. В лучших из них значительно ярче, чем анархистские настроения, звучит пафос борьбы и единения пролетариата для свержения тирана. Такова, например, песня «Большая забастовка» (№ 382), созданная Шрамеком⁹.

Milion paží v tmách se vzpjalo,
červený kohout v střechy vlít,
Oč tisíc let nás okrádalo,
my teď si jdeme nazpět vzít.
Na cestu svít' krvavé nebe,
kdo trd'piš kde sem k nám ha-hoj,
ohřát se pojď teď, koho zebe...

(Миллионы рук поднялись из мрака, красный петух по крышам бежит; что за тысячи лет мы не получали, мы идем себе вернуть. Пусть в пути нам светит кровавое небо, кто страдает, пусть к нам примкнет, эй-хо! Пусть тот согреется, кто до сих пор зяб...).

Из песен 1905 г., бывших отзвуком событий в России, следует назвать песню «Кикирики!» (№ 381), созданную неизвестным автором, в которой явственно звучит мотив приближающегося дня расплаты. В это же время, по-видимому, под влиянием всеобщего интереса к событиям в России Шрамеком на мотив рабочей «Дубинушки» была создана «Шахтерская» (№ 372), которую пели в рабочей среде вплоть до 1930-х годов.

В сборнике помещены также характерные для рассматриваемого периода сатирические песни. В некоторых из них используются традиции сатирической песни эпохи национального возрождения; например, популярная песенка о министре Таафе (№ 274) является отзвуком известной политической песенки Гавличка «О, Шварценберг!» В ряде случаев новые тексты создаются на основе популярных мещанских романсов и продолжающей жить в народном быту ярмарочной песни. Как правило, эти мотивы используются в ироническом, пародийном плане. Так, на мотив мещанского романса была создана одна из самых популярных песенок о штрейкбрехерах: «Дождь идет, идет, а мы в шахту не пойдем» (№ 358); мотивы и приемы ярмарочной песни используются в получившей широкое распространение песне «Одна очень страшная песня о прошедшем Новом годе» (№ 194), зло и метко высмеивающей страх мещан перед праздником Первого мая.

5

Четвертый раздел сборника назван авторами «Песни борьбы за хлеб, труд, за единый фронт». В него вошли песни, созданные в период с 1921 по 1945 г.

Этот период, как указывают составители, знаменует новый этап в развитии рабочего движения, которое протекает под сильнейшим воздействием Великой Октябрьской социалистической революции. В 1921 г. была создана Чехословацкая Коммунистическая партия, ставшая во главе рабочего движения. Знаменательно, что лучшие силы чехословацкой интеллигенции, в том числе крупнейшие писатели и поэты, становятся на сторону революции: Я. Гашек, М. Майерова, И. Ольбрахт, С. К. Нейман, И. Волькер, В. Незвал, З. Неядлы, позже М. Пуйманова, Ф. Галас и др.

В этой атмосфере рабочая песня переживает новый подъем. Характерная черта рабочего песенного творчества этого периода — стремление к созданию собственной

⁹ Как отмечают авторы, она была создана на основе немецкого текста «Auf Brüder zu den Waffen».

музыкальной культуры. Составители указывают, что именно к этому времени относится возникновение массовой песни как жанра. Массовая песня, по их утверждению, это отнюдь не все то, что поется широкими массами; массовая песня — понятие историческое. Она связана с сознательной творческой деятельностью композиторов, пишущих для рабочих (стр. 791). Песни создаются для рабочих ансамблей, которые особенно бурно разрастаются в 1930-е годы. В этот период развивается деятельность таких популярных ансамблей, как Арагон, Исав, Эль-Цар и др. Часто это молодежные ансамбли «Синих блуз», возникшие под влиянием советских молодежных ансамблей. «Синие блузы» выступали с программами песенок, сатир, куплетов; издавались их репертуарные сборники.

Если рабочая песня в предыдущий период была во многом достоянием только рабочих, то массовая песня (особенно к 1930-м годам) становится достоянием всех передовых слоев общества.

На формирование чешской массовой песни значительное влияние оказала русская революционная и советская массовая песня.

Уже в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции в Чехословакии зазвучали русские революционные песни и песни рождающейся пролетарской республики. Так, в 1921 г. была переведена и пользовалась широкой популярностью «Варшавянка» (№ 422), пелась, особенно после смерти В. И. Ленина, песня «Вечный революционер» (№ 429 — слова Франко, музыка Лысенко, в обработке Яна Урбана). В эти годы звучали первые советские комсомольские песни: «Комсофлотский марш» А. Безыменского (№ 564 — «Низвергнута ночь, поднимается солнце»), «Дуня» В. И. Лебедева-Кумача (№ 580 — «Наша Дуня как цветочек») и др.; исполнялись популярнейшие песни гражданской войны: «Там вдали за рекой» (№ 566), «Партизанская» С. Алымова (№ 567), «Марш Буденного», текст А. А. Д'Актиля, музыка Д. Покрасса (№ 568), «Белая армия, черный барон» (№ 565) и др. Несколько позже проникают песни «Полюшко-поле», текст В. Гусева, музыка Л. Книппера (№ 570), «Чапаевская-походная», текст А. Суркова, музыка Левина (№ 644), «Песня пропеллера» (№ 645) и др.

Составители справедливо отмечают, что дело не только в том, что отдельные песни переводились и пелись на чешском языке. Не менее важно то, что их общий строй и интонации, их оптимизм, революционная романтика оказывали влияние на развитие чешской массовой песни (стр. 793).

Известное влияние на чешскую массовую песню оказали и немецкие песни борьбы (Kampflied). Так, в 30-е годы из Германии в Чехословакию проникла и распространилась в чешском переводе «Песня болотных солдат», которую создали немецкие антифашисты, заключенные в концлагери. Очень популярной была песня «Коминтерн» (№ 624), переведенная с немецкого поэтом Ф. Немецом. В России эта песня была известна в русском вольном переводе:

Товарищи в тюрьмах,
В застенках холодных,
Вы с нами, вы с нами,
Хоть нет вас в колоннах.

Из чешских массовых песен чрезвычайно популярной в 20-е годы была песня В. Незвала «Пять красных континентов» (№ 424) о революционном единстве народов всего мира, созданная в 1923 г. Из песен, возникших позже, составители приводят ряд маршей: «Марш синей блузы» (№ 497), марш «Пчелы» (№ 609), «Марш единого рабочего фронта» (№ 611), музыка которого была написана Витом Неедлы на слова Ф. Кубра.

О большой любви к стране Советов свидетельствует распространившаяся во второй половине 30-х годов (особенно среди молодежи) песня на слова поэта В. Незвала «Призыв в дорогу» («Я знаю землю у полюса, прекраснейшую страну», № 620).

В период гражданской войны в Испании Ф. Галас создает свой замечательный «Испанский марш» (№ 641).

Большое значение в этот период продолжают играть сатирические песни и куплеты. Часто их включали в монтажи и программы ансамблей. Это была сатира на буржуазных политиков (№№ 506, 512), на предвыборную шумиху правых партий (№ 480) и др. Нередко они были сложены в форме пародий, высмеивающих нейтралов (№ 488), штрейкбрехеров. Широкой популярностью пользовалась созданная еще до Первой мировой войны Шрамеком антивоенная песня «Прилетели адъютанты» (№ 547), а также песня Библа «Зубчатое колесо» (№ 554), высмеивающая военный бюрократизм; к сатирическим песням относится и чрезвычайно популярная в 20-е годы песня «О взятии народного дома» (№ 413), которая, используя приемы ярмарочной песни, разоблачает правых социал-демократов, предавших революционный чешский рабочий класс.

В годы кризиса и массовой безработицы большую популярность получил новый жанр «сонга». «Сонги» создавались и распространялись многими агитационными ансамблями. «Сонг» очень хорошо отражал гнетущее настроение этого тяжелого времени. Используя протяжные мотивы негритянских песен, авторы создавали песенки

о безработице, о наиболее трагических событиях этих лет. Именно в силу своей близости широким кругам, а также в силу непосредственности выраженного в них настроения, «сонги» стали одним из популярных жанров.

Из приводимых составителями «сонгов» наибольшего внимания заслуживают «Наш старый папаша» (№ 584), «Лавка в саду» (№ 585), «Негритянский сонг» (№ 583).

6

Как уже указывалось, внимания заслуживают статья-послесловие и комментарии к песням.

В первом разделе статьи, озаглавленной «Развитие, общественная роль и особенности рабочей песни», авторы рассматривают вопрос о соотношении рабочей песни с исторической действительностью. Они делают ряд интересных наблюдений, выясняют историческую обстановку и обстоятельства, при которых возникали те или иные рабочие песни. Все это потребовало серьезного изучения не только песенного материала, но и истории рабочего движения. Однако, как нам кажется, статья в целом проиграла от того, что вопросы идейного содержания рабочей песни рассматриваются изолированно, в отрыве от анализа ее художественных особенностей. В силу этого и проблема историзма рабочей песни не получила достаточно глубокого освещения. По существу эта часть статьи представляет лишь расширенный комментарий к опубликованному в сборнике материалу, следуя за его во многом условными тематическими группами. С другой стороны, и анализ художественной формы, особенно поэтической структуры рабочей песни, рассматриваемой изолированно, недостаточно глубокий и сводится большей частью к случайным наблюдениям.

Однако несмотря на неудачную структуру статьи, что привело, помимо всего прочего, к неизбежным повторениям, в ней содержится ряд ценных положений. Так, сопоставляя творчество рабочих поэтов 1870—1880-х годов с чешской поэзией этого периода (в русле которой это творчество развивалось), авторы указывают на значительное своеобразие рабочей песни. В ней вырабатываются уже характерные черты будущей пролетарской культуры. Это находит отражение в идейном содержании, в словаре, — в частности в более широком использовании просторечной лексики, в употреблении иностранных терминов, главным образом для выражения складывавшихся в этот период новых общественных отношений и политических понятий.

В основных чертах охарактеризованы процессы, происходившие в чешской рабочей песне на последующих этапах ее развития. Положения авторов по этим вопросам, как указывалось, мы рассматривали в связи с обзором песенного материала. Что же касается художественных особенностей рабочих песен, то они исследованы далеко недостаточно. Более удачно дан авторами анализ музыкальной специфики рабочей песни. Так, касаясь музыкального строя рабочих песен, авторы дают интересное объяснение фактам использования в рабочих песнях популярных мелодий. Это отнюдь не свидетельствует о якобы мнимом творческом бессилии рабочих. Политический куплет, агитка, по мнению авторов, «должны быть написаны на известную ноту», что способствует чрезвычайно быстрому их распространению, причем именно в использовании знакомой мелодии заключается основной психологический эффект. Как вспоминают, например, участники «Синих блюз», наибольшим успехом пользовались куплеты, исполнявшиеся на самые тривиальные мелодии (стр. 786). Помимо этого использование широко известных мелодий объяснялось специфическими условиями революционной борьбы, в частности целями конспирации. Как указывают авторы, рабочие во время допросов часто ссылались на то, что они пели всего лишь народные песни. Однако используемые мелодии подвергались некоторой переинтонировке. Иные акценты, смещения в ритмике — все это заставляло знакомую мелодию звучать по-новому, что ярко свидетельствует о живом творческом процессе. Использование рабочей песни популярных мелодий особенно характерно для начального этапа ее развития.

Ряд соображений высказан авторами о соотношении мелодии и словесного текста. По их наблюдениям, мелодия и ее ритмика подчиняют себе языковую структуру стихотворения, лежащего в основе текста песни. Чаще всего создаются песни на те тексты, в которых есть правильный и строгий ритм и где соблюдено единство структуры строк.

В заключение статьи авторы дают краткую характеристику чешских и зарубежных исследований, касающихся вопросов развития рабочего фольклора и рабочей песни. В частности, в адрес советских исследователей авторы бросают упрек в недостаточном внимании к собственно революционной песне рабочих. Отметим, однако, что ими не учтены, по-видимому, такие работы, как статьи В. И. Чичерова «Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890—1917)»¹⁰, статья Г. Д. Владимирского «Массовая поэзия и фольклор на страницах

¹⁰ Сборник «Русское народное поэтическое творчество», Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, т. XX, М., 1953.

большевистской печати эпохи „Звезды” и „Правды”, трехтомная антология «Пролетарские поэты»¹², сборник «Революционная поэзия» (1890—1917)¹³ и др.

Хорошо разработан научный аппарат книги. Комментарии авторов большей частью весьма содержательны. В них указывается место и время публикации песни, обстоятельства ее возникновения, даются сведения об устных или литературных источниках песни, об авторе ее текста и о композиторе. Насколько позволяют данные, составители указывают на устное бытование песни, дают сведения об исполнителях.

Большой интерес представляют комментарии, в которых характеризуются международные связи революционных песен, имевших, в частности, чешские варианты.

Однако в ряде случаев, как уже говорилось, в сборнике помещены произведения без всяких разъяснительных сведений, лишь с ссылкой на печатный или рукописный сборник, причем, как бы компенсируя бедность комментария в данном случае, авторы занимаются скрупулезным сличением печатных текстов, фиксацией незначительных разночтений, что вряд ли оправдано.

Особую ценность имеет справочный аппарат сборника. Это перечни печатных сборников (чешских и иностранных), рукописных песенников и архивных материалов. И в том и в другом случае составители дают их краткую характеристику и выходные данные. Авторы поместили также перечень рабочих газет и журналов, листовок и различных книг и изданий, в которых встречаются рабочие песни.

К книге приложена библиография использованной литературы, именной и предметный указатели и алфавитный указатель всех помещенных в сборнике песен. В приложениях помещены портреты и факсимиле рабочих поэтов, титульные листы песенников (всего 54 иллюстрации). Даны резюме на русском и немецком языках.

Такой аппарат во многом облегчает пользование сборником и бесспорно надолго обеспечит ему источниковедческое значение.

Сборник «*Dělnické písně*» представляет собой несомненный вклад в фольклористику. Он вводит в научный оборот большое количество почти не изученного материала, а в ряде случаев и вообще не известного.

Сборник имеет большой историко-познавательный интерес. В нем опубликован ряд материалов, проливающих свет на международные связи рабочей песни, что ярко раскрывает глубокий интернационализм рабочего движения.

Этот труд стоит в ряду тех исследований, которые, особенно в последние годы, проводятся в странах народной демократии и передовыми учеными стран Западной Европы и США. Вот почему сборник В. Карбусицкого и В. Плетки представляет и для нас более общий интерес, чем только исследование чешской рабочей песни. Он заставляет продумать ряд общих теоретических и методологических вопросов, без разрешения которых невозможно дальнейшее успешное изучение рабочего фольклора и рабочей песни.

В. Крупянская, И. Зузанек

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

ТРИ АЛЬБОМА НАРОДНОГО ОРНАМЕНТА¹

В 1959 г. библиотеки Москвы обогатились тремя новыми изданиями, посвященными народному орнаменту монголов, малых народов северо-западного Китая и дунган СССР.

Изданный в Монгольской Народной Республике альбом «Монголын ордын гар ураг» имеет предисловие на пяти языках — монгольском, русском, немецком, французском и английском — о ремесле, в основном о художественных ремеслах монголов Халхи и ойратов (дербетов). Альбом состоит из 80 таблиц. Большая часть их мастерски выписана от руки акварелью в традиции «тонкой линии» и точной передачи фактуры (шелка, кожи, меха) художником — лауреатом премии Чойбалсана — Идам Суруном. Часть таблиц представляет собой черно-белые фотографии монгольских женщин в парадном наряде и с праздничной прической, образцов резных изделий из камня и кости и пр. Особенно привлекательны шесть последних листов альбома, где дана характерная для монгольского декоративного искусства роспись орнаментируе-

¹¹ Сборник «Советский фольклор», вып. 7, М. — Л., 1941.

¹² В «Библиотеке поэта», т. I, 1935; т. II, 1937; т. III, 1939.

¹³ В Большой серии «Библиотека поэта», Л., 1954.

¹ «Монголын ордын гар ураг», Улан-Батор, 1958; «Сибэй шаошу миньцу ту-ань сюаньцзи», Шэньси, Сиань, 1959; «Дунганский орнамент», составила Л. Т. Шинло Фрунзе, 1959.